

СТЕПАНОВ Михаил Александрович / Michael STEPANOV

| На производство |

СТЕПАНОВ Михаил Александрович / Michael STEPANOV

Россия, Санкт-Петербург.
Санкт-Петербургское отделение Российского института культурологии.
Научный сотрудник. Кандидат философских наук.

Russia, St. Petersburg.
St. Petersburg branch of the Russian Institute of Cultural Research.
Researcher, PhD.

michail.stepanov@gmail.com

НА ПРОИЗВОДСТВО!

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ БЕНЬЯМИН В. УЧЕНИЕ О ПОДОБИИ. МЕДИАЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ. — М.: РГГУ, 2012.

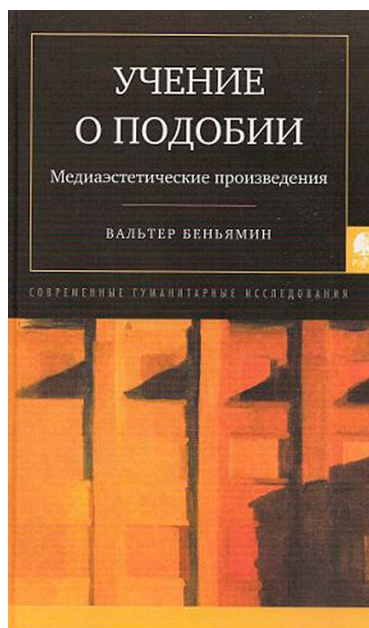
Работы Вальтера Беньямина имеют тенденцию многократно издаваться и переиздаваться. На этот раз книга, собравшая как впервые переведенные на русский язык, так и уже издававшиеся работы, вышла с подзаголовком «Медиаэстетические произведения». Можно ли утверждать, что теперь Беньямин как классик теории медиа появился и в России?

Ключевые слова: Вальтер Беньямин, язык, медиа, инструмент, эстетика, автор, производство, мимезис

To Production! A Review of the Collected Writings of Walter Benjamin: “The Doctrine of Mimesis. Media-Aesthetical Works”

The works of Walter Benjamin have a tendency to be published and republished under different names. Recently, for the first time, the book has been translated into Russian, and several works have already been released under the subtitle “Media aesthetical works”. Now, Benjamin’s classic media theory appears in Russia, but with a special focus — the media aesthetic. What this is, exactly, has yet to be seen, but undoubtedly the leading line separating the assembly from the other Benjamin is the problem of creative production and the role of the media in intellectual activity.

Key words: Walter Benjamin, language, media, machine, aesthetics, author, production, mimesis

Труды Вальтера Беньямина издадут сейчас очень много. Последние лет тридцать он находится на пике популярности, продаж и направленной на него исследовательской активности. Писать рецензию на его работы — сомнительное занятие, им посвящены диссертации и монографии, задача этих заметок видится в том, чтобы отрецензировать очередной сборник скомпонованный уже без всякого участия автора.

Не утихающий интерес к Беньямину сопровождается непрекращающимися

поптами его классифицировать, причислить как к ведомству политики (левого движения, начиная ещё с Теодора Адорно), так и к цеху теологии (еврейские мистики, такие как Гершом Шолем). В последние десятилетия к ним подключились исследователи медиа (Беньямин, позиционируется как центральная фигура модернистской теории медиа). Виктор Лапицкий на презентации книги в Петербурге отметил: любой рассуждающий о нём подобен мудрецу из притчи о слоне и слепых мудрецах — каждый схватившись за часть животного, утверждает, что она и есть слон. В отечественном интеллектуальном пространстве немецкий философ-маргинал известен и популярен не менее чем в Европе и обеих Америках, можно было бы сказать, что он приелся и случайная цитата из его работ уже дурной тон, если бы не отсутствие многих важных текстов на русском языке. Публикация ещё одного сборника дает надежду на то, что репрезентативный набор текстов Вальтера Беньямина на русском языке, наконец, появился. Так ли это?

Первое, что можно увидеть — это добротно сделанная обложка, хорошая бумага и сообщение о том, что это первая книга из серии «Современные гуманитарные исследования» Издатель-

СТЕПАНОВ Михаил Александрович / Michael STEPANOV

| На производство |

ства РГГУ. Следующее, что бросается в глаза — это заголовок «Учение о подобии» и подзаголовок «Медиаэстетические произведения». Если первый отсылает к одноименной работе Вальтера Беньямина, то второй вызывает радостное возбуждение предчувствием подборки релевантных текстов классика и первопроходца теории медиа, отсылая к известному всем мало-мальски занимающимся теорией медиа одноименному сборнику¹ десятилетней давности под редакцией авторитетного литературоведа и теоретика медиа Детлева Шётткера. Радость сменяется разочарованием, подборка работ обескураживает, анализа теории медиального Беньямина обнаружить не удается, и, даже, упоминания одноименной значимой немецкой книги, содержащей подробную аналитику рецепции эстетических идей Беньямина применительно к медиа — от Энценбергера, до Бодрийера и Вирилио, проведенных Шётткером в послесловии — тоже нет. Отсутствие ссылок на серьёзную работу, носящую такое же название «Медиаэстетические произведения» и даже упоминаний о ней, калькирование немецкого термина при отсутствии анализа вызывает недоумение, странное ощущение подлога. Возможно, составители спешили скорее запустить серию в производство, издать книгу, закрепить за собой новый термин, поэтому он остался неясной калькой с немецкого языка?

Составители сборника И. Чубаров и И. Болдырев, уделив в послесловии лишь несколько страниц проблематике медиума во всей её широте, пишут: «Свою задачу как медиатеоретика он видел не в том, чтобы бесконечно «брачевать» различные виды медий с изменяющимися способами коммуникации, во что на сегодня по преимуществу выродилась медианаука (Medienwissenschaft) и коммуникативная теория (Kommunikationstheorie), а в поиске утраченных в современности способов закрепления знания в опыте, переводящем его в навык как полноценную художественную или трудовую практику»².

Здесь просматривается попытка отделить теорию медиа Беньямина от размножившихся на сегодня ее разновидностей, с явным акцентированием тезиса о «вырождении» исследований медиального. Интересно, что приняты во внимание наиболее общие и конъюнктурные немецкие направления исследований медиа, специфическим ответвлением которых является «медиаэстетика». Это особенно странно звучит в отношении отечественного пространства исследований медиа, состоящее из отдельных теоретических «островов». Мода на калькирование немецких терминов с «медиа» — медиафилософия, медиакультура, медиаобразование, медиаэстетика, захватившая отечественную науку, без учета различия словообразования, служит профанации самой сути исследований, так как приобретает спекулятивный оттенок. В таких словах как «медиаэстетика» совершенно непонятно где субъект, а где объект исследования. Mediensthetik — это эстетика медиа, эстетическое исследование медиа или медиаэстетика как внешняя эстетическая форма, несомая определенными медиа? В немецком языке речь идёт об исследовании опосредованного характера человеческого восприятия, или, говоря иначе, об исследовании меди-

альности человеческого восприятия, изменении восприятия через медиа в их развитии. Сложная ситуация в отечественном пространстве заключается в некоммуникабельности, нереплицируемости и некритичности разрозненных подходов локальных исследователей к проблематике медиа.

Малочисленно представленные в сборнике тексты не сводятся к проблематике медиа, но, как и все сочинения Беньямина, затрагивают проблематику эстетического, политического, общественного, теологического, что делает их глубокими и, в некоторой степени, эзотерическими, закрытыми. Отсутствие «медиаэстетического» руководства к ним со стороны составителей и непроясненность вопроса в целом вынуждает осуществить критический анализ термина «медиаэстетика» и посмотреть на наследие немецкого философа с этого угла зрения.

Вальтер Беньямин один из немногих философов, который в начале XX-го века обратил внимание на важность техники и средств медиа, как для художественных экспериментов, так и для повседневного опыта. С 1920-х годов им были выявлены и описаны взаимосвязи развития медиа, производства искусства и изменения восприятия во множестве текстов, легших в основу эстетической теории медиа как отдельной области эстетики и истории искусства.

В этом контексте впервые они были собраны и представлены, в упоминаемом сборнике «Медиаэстетические произведения», под редакцией и с послесловием Детлева Шётткера. В сборник вошли 50 (!) текстов Беньямина, разделенных на 7 тематических глав: I. Память и воспоминание; II. Язык, голос, письмо; III. Книга и чтение; IV. Газета и реклама; V. Живопись, графика, фотографии; VI. Кино; VII. Телефон и радио. Эти главы собирают эстетическую теорию медиа Беньямина, исчерпывающее представленную более чем на двадцати страницах в аналитическом послесловии автора-составителя³. Не зная (не указывая) эту фундаментальную работу, при этом ставить подзаголовок «Медиаэстетические произведения» — более чем странно.

Беньямин, обратив внимание на медиальные условия восприятия, попытался описать их изменения в эпоху позднего Модерна. Несмотря на то, что он с разных сторон подвергался критике (например, из-за его понятия «ауры»), он заложил основы эстетической теории медиа, утверждающей, что восприятие всегда исторично и зависит от медиа, практик и техник⁴. Эта теория оказала большое влияние на последующие исследования медиального. Именно поэтому Вальтер Беньямин считается одним из основателей теории и эстетики медиа и некоторые сборники его работ имеют все основания носить заголовок «медиаэстетические произведения».

Под «эстетической теорией медиа» понимается такое исследование, которое осуществляет теоретически ориентированное историческое представление и анализ форм восприятия в их взаимосвязи с медиа. Так, в центре внимания медиальных исследований Беньямина оказываются, в первую очередь, фильм, радио и фотография, как передовые технические медиа его эпохи.

¹ Benjamin, Walter: Medienästhetische Schriften / Hrsg. und Nachwort von Detlev Schöttker. — F.a.M.: Suhrkamp Taschenbuch, 2002. — 448 S.

² Болдырев И., Чубаров И. Послесловие составителей / Беньямин В. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. — М.: РГГУ, 2012. С. 273.

³ Schöttker, D. Benjamins Medienästhetik. In: Benjamin, W. Medienästhetische Schriften / Hrsg. und Nachwort von Detlev Schöttker. — F.a.M.: Suhrkamp Taschenbuch, 2002. S. 411–433.

⁴ Ebenda. S. 411ff.

СТЕПАНОВ Михаил Александрович / Michael STEPANOV

| На производство |

Общепризнанной работой Беньямина, посвященной «медиаэстетической» проблематике, является «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости». В этом тексте едва ли встретишь слово «медиум», однако ведущей исследовательской линией является история восприятия и искусства, соединенная с историей техники в её медиальной плоскости, то есть, с производством новых смыслов в измененной чувственности. Детальный анализ новых медиатехнологий (в данном случае кино) выводит к исследованию медиальной структуризации мира, осуществляемой двояким образом, как через изменение восприятия человека под действием новой техники, так и через изменение техники под прессингом трансформированных восприятий. Здесь появляется своего рода «медиаэстетический» круговорот. Эстетическая теория медиа опирается на два явления — производственную материальность медиа и формируемое технологической средой чувственное восприятие (эстетизис).

Классические три работы Беньямина «Краткая история фотографии» (1931), «Автор как производитель» (1934), и уже упомянутая центральная работа по вопросам медиа «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» (1936) присутствуют в рецензируемом сборнике, однако акцент сделан на медиуме языка. Это важный момент, как для метафизики⁵, так и эстетики медиального. Составители указывают на то, что «в отличие от канадских коллег [имеются в виду пионеры исследований медиа как социального феномена Г. А. Иннис (до сих пор не переведенный на русский язык) и его ученик Г. М. Маклюэн (повсеместно некритически превозносимый)] этот берлинский аутсайдер писал о медиальности языка как непосредственности выражаемых в нем духовных содержаний»⁶. Эта мысль о медиальной непосредственности языка, действительно проходящая через если не все, то многие произведения Беньямина, всё таки, недостаточно репрезентативно представлена, так как отсутствуют важные для этой темы произведения Беньямина, например, уже изданный замечательный рассказ *Der Erzähler* (1936) — *Рассказчик*⁷. Но, главное, нет хотя бы фрагмента до сих пор не переведенной⁸ на русский язык диссертации Беньямина «*Der Begriff der Kunstskritik in der deutschen Romantik*» (1920) — «Понятие критики искусства в немецкой романтике»⁹. В этой работе анализируется концепт *das Reflexionsmedium* романтиков, поверхност-

но упоминаемый в послесловии и без какого-либо комментария переведенный как «среда рефлексии»¹⁰. Из последующего текста можно понять, что речь идёт о различии между средством и средой, но это важное различие (имплицитно содержащееся в концепте «медиа») не прописано достаточно четко и конкретно, как того требует «медиаэстетика».

Идею медиальной непосредственности языка можно понять как критику инструментализма в политике, повседневной жизни, а также в отношении к медиа, пронизывающих эти сферы. Беньямин начинает с самого очевидного — с языка, критикуя распространенное мнение о том, что литература, так же, как и язык, и медиа — «может повлиять на мир нравственности и на поведение людей, давая им мотивы для поступков», и «в этом смысле и язык оказывается лишь средством более или менее суггестивного распространения мотивов, которое руководит тем, кто действует, в его душе»¹¹. Эти живучие мнения, полагает философ, совершенно не учитывают, что язык может и не быть средством, что он обладает собственной творческой составляющей. Язык несет своё «магическое, то есть, непосредственное воздействие», «в качестве средства оно лишь множится»¹². Выступая против технизации и инструментализации языка, Беньямин утверждает его медиальность не сводимую лишь к средству и опосредованию: «язык есть творящее и завершающее, он есть слово и имя», ведь познание идёт «посредством имени» вещи познаваемых в их именах «человек именует их мерою познания»¹³.

В его теологических размышлениях о сущности языка, являющегося идеальным медиа — тем, что выражает только само себя, а не внешнее ему — открывается возможность помыслить сущность медиального. Язык имеет миметический талант — от чтения звёзд, внутренностей животных и смены погоды до — чтения письма, знаков и цифр. Язык можно считать наивысшим применением миметической способности: «медиумом, куда без остатка влились прежние способности запоминания подобного» — «язык представляет собой медиум, где предметы уже не соприкасаются друг с другом напрямую как было прежде в сознании — провидца или жреца, но где встречаются и взаимодействуют их сущности... Иными словами: с течением истории ясновидение передало свои древние силы письму и языку»¹⁴. Широкие обобщения и гигантские шаги истории напоминают размышления В. Флюссера о становлении человека и лестнице абстракций¹⁵, где формулируется, пожалуй, одно из первых определений дигитальных «новых медиа», что сближает их фигуры как первопроходцев аналитики различных эпох медиа.

⁵ См. например работу Сибиллы Крамер, подробно разбирающей в том числе и идеи медиального у Беньямина: *Krämer, S. Medium, Bote, Übertragung. Kleine Metaphysik der Medialität* - F.a.M.: Suhrkamp Verlag, 2008. S.41-53.

⁶ *Болдырев И., Чубаров И. Послесловие составителей / Беньямин В. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения.* — М.: РГГУ, 2012. С. 273.

⁷ *Беньямин, В. Рассказчик.* // Маски времени. Эссе о культуре и литературе. / Перевод с немецкого и французского. Составление, предисловие и примечания. А. Белобратова. — Санкт-Петербург: Symposium, 2004. С. 383–418.; до этого в книге составленной Т. В. Адорно «Озарения»: *Беньямин, В. Озарения* / Перевод Н. М. Берновской, Ю. Ф. Данилова, С. А. Ромашко. — М.: Мартис, 2000.

⁸ Перевод послесловия диссертации: *Беньямин, В. Теория искусства у ранних романтиков и позднего Гёте* // *Логос.* — 1993 — №4. С. 151–158.

⁹ См. *Benjamin, W. Der Begriff der Kunstskritik in der deutschen Romantik* / Hrsg. u. Kommentar von Uwe Steiner. // *Werke und Nachlass. Kritische Gesamtausgabe, Band 3.* — F.a.M.: Suhrkamp Verlag, 2008. — 398 S., где на 160 страниц текста Беньямина, приходится 240 страничный комментарий издателя Уве Штайнера.

¹⁰ *Болдырев И., Чубаров И. Послесловие составителей / Беньямин В. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения.* — М.: РГГУ, 2012. С. 273.

¹¹ *Беньямин В. Письмо Мартину Буберу.* // Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. — М.: РГГУ, 2012. С.28.

¹² *Там же.* С. 28–29.

¹³ *Беньямин В. О языке вообще и о языке человека* // Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. — М.: РГГУ, 2012. С. 16.

¹⁴ *Беньямин В. Учение о подобии* // Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. — М.РГГУ, 2012. С. 169–170.

¹⁵ Медиагеоретик Вилем Флюссер в конце 1980-х, набрасывает концепт «лестница абстракций», описывая становления медиа в движении от тела к дигитальным технологиям: *Флюссер, В. О проецировании.* / пер. с нем. // Хора. Журнал современной зарубежной философии и философской компаративистики. — № 3/4, (9/10) — 2009. С. 72–73.

СТЕПАНОВ Михаил Александрович / Michael STEPANOV

| На производство |

Историчность медиа, заключающаяся в их собственном существовании не как предметов, вещей и агрегатов, но как производящих перевоплощение ассамблежей машин, обеспечивающих условия нового опыта, является местообитанием миметических сил, условием оригинальности, исключительной новизны и возможности изменения: «ни миметические силы, ни объекты..., на которые эти силы направлены, с течением времени не остаются неизменяемыми; на протяжении столетий миметическая сила, а вместе с тем впоследствии — и миметическое восприятие, исчезали из определенных областей вероятно с тем, чтобы проявиться в других»¹⁶.

Глубже всего медиальная работа языка показана в тексте «Задача переводчика» (1923), где Вальтер Беньямин указывает на необходимость различать означаемое и способ производства значения, как есть одно означаемое «хлеб», в немецком и французском языках, но разные способы производства значения, лишь в абстрактном значении они идентичны и тождественны. В них скрыты разные интенции, интонации и контексты. Задача переводчика состоит в нахождении той интенции/интонации в отношении языка перевода, которая будит в нём эхо оригинала. «Интенция перевода... беря начало в отдельном иноязычном произведении она устремлена на весь язык в целом»... «она производна, окончательна и умозрительна»¹⁷.

Язык или медиум недостаточно, ошибочно, опасно понимать только инструментально (как и власть в размерности права). Этой механике Беньямином противопоставляется магия, в которой есть место непредставимому молчанию, откровению, но нет ни смешения одного с другим, подмены и неразличимости искусства и политики, но нет и непроходимого разрыва, автономии. Опасность, о которой говорит Беньямин, заключается «в готовности стать инструментом господствующего класса»¹⁸, что можно понимать как господствующее медиа, если посмотреть на этот тезис сквозь текст «Автор как производитель».

Медиа обладают собственным содержанием, поэтому не могут быть сведены к инструментам, к средствам манипуляции, кастрации, информации. Они больше этого, ибо, как и власть, лишь в действии производят как себя, так и окружающую реальность. Сущность медиа — будь то язык, образ, письмо — в производстве самого себя, в свершении себя, а не трансляции, чего-то внешнего «стоящего за».

Задача интеллектуала состоит в том, чтобы изменять своему классу, менять условия производства знания — это значит не учить с высоты своего знания, а формировать условия, среду в которых это знание возможно. А это значит находить, изобретать новое. Производство нового, обновление мира — одна из ведущих задач для философа. Как это возможно? Через новый, мгновенный опыт в результате нарушения привычного хода вещей, изменения способов взаимодействия с миром, с вещами и самим собой. Это негативный опыт готовности к будущему, а не позитивного накопления впечатлений.

Новые технические возможности в разные эпохи «новых медиа» позволяют лучше, быстрее устанавливать связи, обмениваться данными. Дело не в духовном обновлении, а в технической инновативности, разрушающей барьеры между словом и образом, образом и звуком, другими медиальными режимами: «Автор, который ничему не учит писателей, не учит никого. Таким образом, критерием служит образцовый характер производства, который, во-первых, в состоянии привлечь к производству других производителей, а, во-вторых, предоставить в их распоряжение некий усовершенствованный аппарат»¹⁹. Это задача и путь мысли Беньямина «касается лишь одного требования к писателям, требования размышлять, задумываться о его положении в процессе производства»²⁰. Есть потребители, есть трансляторы, а есть производители или авторы. Их различие в том, что для автора решающим является степень инновативности, новизны продукта, которая направлена на функциональные изменения производственной среды, а тем самым — и средств производства.

Так средство производства интеллектуала — образование. Следуя завету Беньямина, интеллектуал должен менять средства производства — менять само образование: «Поведение, которое превращает его из обслуживающего производственный аппарат в инженера, устанавливающего свою задачу в том, чтобы приспособить этот аппарат к целям пролетарской революции»²¹. Современный пролетарий — это рядовой программист, дизайнер, рабочий умственного труда в школах, институтах и университетах. Именно к ним сейчас направлен призыв Беньямина.

В этом магическом понимании медиа, трактовке медиума как субъекта, свойственном Вальтеру Беньямину, заключен секрет его привлекательности для исследователей. Но чем больше работ посвящено Беньямину, чем больше упоминаний его работ во всех областях гуманитарного знания, тем плотнее туман, его укутывающий, тем сложнее определить его ярлыком библиографической классификации. Если вернуться к притче о слоне, которого все пытаются ухватить и тем самым определить, можно увидеть, что этот слон в каждом новом месте, каждом новом издании, измененном контексте оказывается слонем в посудной лавке, сокрушающим все попытки узурпации и присвоения, оставляющим ни с чем любителей развешивать ярлыки.

Представленный сборник не дает русскоязычному читателю полного представления об эстетической теории медиа Вальтера Беньямина. Очевидно, что ведущей линией, отделяющей эту сборку Беньямина от других, является модная проблематика «политического», но едва ли здесь обнаружится репрезентативный минимум по «медиаэстетике», креативному производству и роли медиальных сред в деятельности интеллектуала. Учитывая подбор текстов и количество страниц послесловия составителей, посвященных насилию, истории, спасению, власти, лжи и полиции по сравнению с объемом, отведенным проблематике эстетической теории медиа, сборник должен был бы носить (едва ли нужный) подзаголовок «Медиаполитические произведения», так было бы честнее и, очевидно, злободневнее.

¹⁶ Беньямин В. Учение о подобии // Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. — М.: РГГУ, 2012. С. 165.

¹⁷ Беньямин В. Задача переводчика. // Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. — М.: РГГУ, 2012. С. 263.

¹⁸ Беньямин В. О понятии истории // Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. — М.: РГГУ, 2012. С. 240.

¹⁹ Беньямин В. Автор как производитель // Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. М.: РГГУ, 2012. С. 149.

²⁰ Там же. С. 152.

²¹ Там же. С. 154.

